

ПОДАРОК!
Подробности на стр. 101

СТОЛ

ВАШ

159958

огда Леша
ернулся,
о его роман
ы не говорили.
ыло и прошло

**Откровенное
интервью Татьяны
Сотьяминой
Алексея Ягудина**

любовных
влечениях
ли Брежневой
играла роль ширмы
рассказ подруги
дочери генсека

**Ксения Новикова
из «Блестящих»**
Перед свадьбой
я узнала, что
все жены моего
избранника погибли
при странных
обстоятельствах

Отношения
Говорухина с
Ходченковой —
это история
мастера и его музы
**Вспоминает
кинооператор
Геннадий Карюк**

Анастасия Стежко

Режиссер, улыбаясь, сообщил: пробы
будут проходить в номере отеля...

16+

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО

ВЕРА, НАДЕЖДА И ДРУГИЕ ЛЮБОВИ

О чем он говорил в тот вечер с главной любовью своей жизни, так и осталось тайной. Но на вокзал провожать не поехал. Так в жизни писателя закончился роман с Надеждой. Но «роману» с женой Верой суждено было продлиться еще целых семь месяцев. И в самом конце общего пути давным-давно утерянный мир вернулся в их семью.

асмурным летним днем 1920 года по Петрограду шел невысокий худощавый мужчина. Преодолевая встречный ветер, он толкал перед собой ручную тележку, щетинившуюся ножками письменного стола, свернутым в трубку ковром и каким-то домашним скарбом.

Путь лежал через Малую Неву на Петроградскую сторону. Там в комнате, одну половину которой занимала большая оттоманка, а вторую — пузатая печка, женщину ждала женщина. Женщину звали Верой, мужчину — Михаилом. Ему почти двадцать шесть, ей — неполных двадцать два. Но за плечами у каждого была уже целая жизнь.

Оба, как говорили тогда, «из бывших» и родились еще в том, дореволюционном Петербурге, который значился столицей Российской империи и разительно отличался от нынешней колыбели революции со стаями бродячих псов и пацанов-беспризорников, очередями, клубящимися вокруг хлебных лавок, и темными улицами.

Город их детства и отрочества они помнили совсем другим. Зоологический сад со слонем и тигром. Невский, сияющий роскошными витринами. «Мариинка» с балетными примами. Чинные гимназии с колоннами, под их сводами по утрам спешили барышни в передниках и юноши в фуражках.

Миша учился в восьмой мужской, Вера — в Петровской женской. Его выпускной отшумел тремя годами раньше, чем ее: весной 1913-го. Дальше был юридический факультет университета, где он продержался всего полгода. Сначала не смогли оплатить учебу: отец Зошенко, служивший младшим художником Мозаического отделения Императорской академии художеств, умер от разрыва сердца еще в 1907 году, оставив на руках жены восемь душ детей. Приходилось только удивляться, как мать тянула эту ораву и где наскребла денег хотя бы на первый университетский семестр сына. Ну а дальше тысячам сверстников Михаила по всей огромной России и вовсе стало не до учебы — грянул роковой август 1914-го.

Впрочем, для Миши все случившееся оказалось даже кстати: лето шло к закату, временная служба на железной дороге, которую он наспех приискал после отчисления из университета, заканчивалась и совершенно непонятно было, чем дальше зарабатывать на жизнь.

Война быстро разрешила эту проблему: уже в марте 1915 года Михаил после ускоренного курса в Павловском военном училище стал младшим офицером пулеметной команды Мингрельского гренадерского полка Кавказской дивизии. А год спустя, в мае, приехав домой в короткий отпуск, познакомился с Верой.

Знакомство было веселым и беззаботным — компания общих друзей пригласила обоих покататься на лодке. Михаил щеголял в военной форме, си-

ФОТО: CULTURE IMAGES/VOYTSOCK PHOTO

Красавец офицер рассказал, что предком его был итальянец. Отсюда и оливковая кожа, и карие глаза

Когда Верочка Кербиц-Кербицкая
встретила Михаила,
ей не было двадцати и она уже
успела побывать замужем

ФОТО: АПОСТОЛ PHOTO

дешвей на нем удивительно ладно. Из-под козырька фуражки томно блеснули миндалевидные карие глаза с поволокой. Но особенно эффектно смотрелся белый башлык на прямых плечах, оттенявший смуглую кожу. Позже красавец офицер рассказал Vere, что по одной из семейных легенд предком его был итальянец — архитектор, а по-русски зодчий, приехавший в Малороссию еще в скатертинские времена. Отсюда и оливковая кожа, и карие глаза, и фамилия Зодченко, за сто с лишним лет превратившаяся в Зоценко.

Вера тогда еще носила фамилию Мартанус, доставшуюся от мужа — такого же, как Михаил, молодого прапорщика, за которого зачем-то выскочила замуж едва ли не на гимназической скамье. А в начале 1918-го развелась, вернув свою фамилию — Кербиц-Кербицкая.

К моменту развода их с Михаилом отношения можно смело именовать романом, и давно не платоническим. Первая близость случилась июльским вечером 1917 года. Тогда лукаво улыбаясь Вера спросила:

— Что же вам подарить на день рождения?

И услышала ответ, которого в глубине души давно ожидала:

— Себя.

Устоять перед героем войны она не смогла. А Михаил несомненно был ге-

В июле 1920 года они стали мужем и женой. Уже в конце лета Вера забеременела. Ожидание ребенка слилось для обоих с нетерпеливым ожиданием литературного успеха

роем. Пять боевых орденов, несколько легких ранений и тяжелое отравление газами. Через семь месяцев после той страшной атаки, во время которой он громким криком «Газы!» спас большую часть батальона и навсегда погубил свои сердце и легкие, хватанувшие слишком много ядовитого дыма, Мишу признали «негодным к строевой»: у него начались тяжелые сердечные припадки. Впрочем,

на эффектной внешности болезнь почти не отразилась: каждая вторая дама на улице по-прежнему провожала смуглого молодцеватого военного заинтересованным, а порой и зазывным взглядом. В глазах Веры этот факт делал внимание к ней молодого офицера еще желаннее.

И все же прежде чем они решились на то, что должно было произойти сегодня, с памятного июльского вечера прошло

еще три года, состоявших из встреч и расставаний, каждое из которых казалось окончательным, и переписки, то прерывавшейся на месяцы, то возобновлявшейся вновь.

Адрес на письмах Зоценко был всегда один и тот же: квартира на Петроградской стороне, куда он сейчас с таким упорством толкал свою тележку. Адрес же на конвертах от Веры постоянно менялся: Михаил кидало то из Петрограда в Архангельск, то снова в Петроград, то в Смоленскую губернию, то на фронт, куда он, несмотря на болезнь, вновь ушел в январе 1919-го в составе 1-го Образцового полка деревенской бедноты. Несколько раз уезжал, не позаботившись оставить Вере вообще никакого адреса, и о том, куда его унесло, она узнавала от сестер Миши или его матери Елены Иосифовны.

ФОТО ПРЕДСТАВИЛО ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КОМ. К.М. ЖУКОВСКОГО СВЯЗЬ С ПЕТРОГРАДСКОМ ИЛИ С ПЕТРОГРАДСКОМ

В 1921-м родился сын Валерий, по-домашнему Валя

агента уголовного надзора и... начинающего литератора.

Впрочем, его литературные претензии стали неожиданностью только для посторонних. В семье давно знали, что Миша «пописывает» — так же, как когда-то его мать, до замужества сочинявшая рассказы для газеты «Копейка».

Знала об этом и Вера: в самом начале их романа Зощенко прочел ей по памяти рассказ, написанный до войны. Про старуху, принявшую плевков на церковном полу за кем-то оброненный двугривенный...

Вера внимательно слушала, вселивно кивала. Но как показалось Михаилу, была слегка разочарована тем, что он так долго говорит о чем-то, не относящемся впрямую к ней и их чувствам.

Впрочем, истории о занятиях в студии при петроградском издательстве «Всемирная литература», куда он записался в июне 1919-го, и о завязанных там знакомствах — с Корнеем Чуковским, Николаем Гумилевым, Евгением Замятиным, Виктором Шкловским — она слушала уже с куда большим интересом. И все же от предложения стать женой будущего писателя отказалась, заявив, что теперь ее интересует только свободный брак, в котором супругов не связывают никакие пошлые обещания и обязательства. И вот, спустя несколько месяцев, вдруг сама предложила съехаться и расписаться.

Зощенко оглянулся на мост, оставшийся за спиной, и облегченно вздохнул. Он катил на Петроградскую тележку, а в голове пульсировали вопросы ответов на которые не мог отыскать.

Почему Вера согласилась стать его женой именно сейчас? Захотела отбла-

Опустив ручки тележки на мостовую, Зощенко отер рукавом пот и сделал несколько глубоких вдохов, стараясь унять бешено колотившееся сердце. Впереди возвышался Тучков мост. «Удастся ли в одиночку вкатить на его спину перегруженную тележку?» — с сомнением подумал Михаил. Но другого пути нет: не прийти сегодня на Петроградку он не мог. Слишком долго оба колебались, и вот теперь все окончательно решено и дело нужно довести до конца.

Впервые он сделал Вере предложение еще осенью 1919 года. Отвоевав в Красной армии всего три месяца, Зо-

О разводе речи не заходило: «просто временная мера», «пока ребенок не подрастет». Но Вера чувствовала — дело не в детском крике. Что-то не ладилось у них с Михаилом

щенко был окончательно комиссован по состоянию здоровья и отвалившись несколько месяцев в госпитале, вновь оказался в Петрограде. На сей раз в роли

годарить за преданность, с которой поддерживал ее, когда из-за поклонника, уличенного большевиками в шпионаже, оказалась под арестом? Или сама реши-

ла поддержать Михаила, видя его тоску по матери, умершей зимой от тифа? А может, наконец-то осознала, что отравленный газам хрупкий офицерик куда сильнее, чем кажется?

Весь последний год Зоценко крутился как белка в колесе: днем работал конторщиком в военном порту, вечером бежал в литстудию, а ночами и по выходным садился за статьи и рассказы. Правда, в печати ни один из его ранних опытов еще не появился, но люди, знающие толк в литературе, в первую очередь Чуковский, отзывались о сочинениях Михаила одобрительно, предвещая успех. Не этот ли аромат приближающейся славы и почуствовала Вера, часто заявлявшая, что хочет многого и это «многое» обязать да мужчину? Что ж, раз так, он готов. Пусть его успех будет и ее успехом.

Но чего он сам ждет от нее? Страсти? Детей? Надежной поддержки в борьбе

за выживание, в которую обрекли революция и войны? Или он хочет окончательно сойтись с Верой только затем, чтобы выбросить наконец-то из головы Надежду, Надееньку, Надю Русанову?..

Поймав себя на мыслях о Наде, сердито нахмурился. Давно пора прекратить это мальчишество, все кончено и забыто. Но стоило начать думать о Vere, как Надя сама собой врывается в мысли. Эти две женщины будто сговорились идти по жизни Михаила рука об руку. Да и чему тут удивляться? Разве все, что случилось между ним и Надей, не откликлось эхом в отношениях с Верой? Это ведь ради Нади он прискал в тот самый отпуск, в котором познакомился с Верочкой. К Наде, приславшей ему в Архангельск тоскливое письмо, примчался в марте 1918 года, чтобы понять, что непоправимо опоздал... И осознав это, отправился к Vere. Услышав, что кавалер

уже почти двое суток в Петрограде, та кокетливо приподняла брови:

— Так где же вы были? Почему не пришли вчера?

В ответ он бросил с показным равнодушием:

— Дела.

Конечно же, Vere удалось выпытать правду. И услышав имя Нади, которую знала по гимназии, она скривила губки:

— Девочки ее недолюбливали...

Михаил промолчал.

Надя Русанова — его первая любовь, в истории которой все было точно так же, как в тысячах других гимназических романов того, исчезнувшего Петербурга. Письма, невинные свидания, робкие неумелые поцелуи в темноте синематографа и глупое детское смущение, мешавшее обним прямо и честно говорить о том, что на самом деле жгло сердце.

Чтобы устроить кабинет, прискакали квартиру побольше. И вдруг как гром среди ясного неба: Миша собрался пожить отдельно

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГР РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская. 20; тел. для справок: (3532) 60-61-30